

ЭТОТ КРАСНЫЙ САКВО-
ЛЯЖ известен любите-
лям искусства многих
городов нашей страны. Не-
изменное «действующее ли-
цо» многих веселых и груст-
ных, тонких и умных панто-
мим, блестяще исполняемых
Борисом Амарантовым, он
дал название моно-спектаклю,
с которым на днях познако-
мились кишиневцы, — «Чуде-
са в сакволяже».

У Амарантова все «чуть-
чуть иначе», чем у остальных
пантомимистов. Начиная с
маски. Актер не загримован,
как этого требует многовеко-
вая традиция, а его костюм
(черное трико, белые перчат-
ки, шляпка и обувь) дополнены
сакволяжем и зонтом, работа с
которыми помогает значи-
тельно расширить диапа-
зон обычного репертуа-
ра мимов. Впрочем, Амарантов
не только этим «нарушил» за-
коны Древнего жанра. Он ос-
мелился соединить пантомиму
с эксцентрикой и жонглиро-
ванием, создав новый, синте-
тический жанр.

На сцену выходит симпа-
тичный парень и, под мело-
дию популярной итальянской
песенки, на своем особом язы-
ке, состоящем из жестов,
улыбок и точных движений
гибкого тела, начинает диа-
лог с залом о Человеке — о
его надеждах и печалях, о
радостных мгновениях и при-
вычной повседневности. Пе-
сенка дала и имя герою Ама-
рантова — чуткому странное-
му КИ-ЛЯ-ЛЯ. Этот КИ-ЛЯ-ЛЯ не
жалеет герять присутствия
духа, хотя ему не хуже си-

дящих в зале известно, что
добро (вестником которого он
себя сделал) отнюдь не всегда
еще способно побеждать зло.
Но искусство обладает осо-
бым правом — вершить свой
собственный суд, оценивать и
творить жизнь по совершен-
ным канонам. Не зря оно счи-
тается самой оперативной

бомбой. Зло мечется, прини-
мает разные обличья, но это
лишь минутное торжество обо-
ротня. Смена музыкального
ритма — и перед нами чело-
век, бережно ведущий за ру-
чонку малыша, делающего
свои первые шаги по земле.
И чтобы защитить его от толь-
ко что бесноватшейся нечис-

зуемых пантомимистами. В
новом контексте привычные
приемы выглядят особо инте-
ресными.

Обновлена и традиционная
сценка «Балаган», берущая
свое начало от старинного
русского скоморошьяго иску-
ства. Герои Амарантова —
«Удалой балалаечник» и «Роб-

ба творчества: личное пере-
плавать в большое искусство,
дарящее радость людям. КИ-
ЛЯ-ЛЯ преображается, он вновь
готов помогать зрителям ве-
рить в добро...

И зал платит актеру взаим-
ностью. Когда в финальной
сценке КИ-ЛЯ-ЛЯ бросает в
зал воздушные шарик, они
летят от одного зрителя к
другому и затем вновь воз-
вращаются к артисту, баланси-
рующему на самом краю рам-
пы.

...Мимы молчаливы, и поэто-
му я немного расскажу за
Амарантова об Амарантове.

Еще мальчиком он увлекся
цирком, мечтал стать жонгле-
ром, но несколько раз «срезал-
ся» при поступлении в эстра-
дно-цирковое училище. Тогда он
пошел в цирк униформистом.
Нынешние легкость и мастер-
ство рождались в свободное
от тяжелой работы на сцене
время. Затем учеба, знаком-
ство с замечательным артистом,
музыкантом и педагогом Се-
ргеем Алексеевичем Кашты-
лом (который, кстати, и поре-
комендовал соединить в одном
жанре элементы эксцентрики,
жонглирования и пантомимы).

Через несколько лет Ама-
рантову апплодировали Москва,
Хельсинки (здесь он стал лау-
реатом фестиваля), Токио...
Его «служенье красноречью
жеста» (как назвала искусство
Амарантова поэтесса Белла
Ахмадулина, стихи которой со-
провождают действие) благо-
творно и в высшей степени
гуманистично.

М. ДРЕЙЗЛЕР.

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

«Служенье красноречью жеста...»

«скорой помощью» добра.

Эта миссия — главная для
актера. Центральными в спек-
такле оказываются две взаи-
мосвязанные сценки: гротеск-
ная, беспощадная — «Береги-
те мир от бешеных атомщи-
ков» и лирическая — «Ма-
лыш». Удивительная пластика
позволяет актеру действительно
творить чудеса.

...Под бравурный немецкий
марш чеканит шаг Зло. Лов-
кий изгиб рук — и на голу-
бом экране четко вырисовы-
вается черная паузя свастика;
изменение позы (ноги
актера сведены, руки вытянуты
вверх) — и свастика обо-
рачивается нашей страшной
современницей — атомной

ти, над маленьким человечком
смыкаются заботливые руки:
высвывает вспорхнуть белый
голубь — символ мира (это
вибрируют пальцы в белых
перчатках).

Еще одна сценка — «Кос-
мос» — запомнилась лаконич-
ностью и выразительностью
найденных актером вместе с
постановщиком спектакля —
режиссером Г. Чухраем —
эпизодов образов. Сначала Ама-
рантов быстро жонглирует с
зонтом — и перед нами про-
пеллер самолета. Затем крас-
ный зонт становится ракетой,
и вот уже парят в состоянии
невесомости предметы, а сам
актер демонстрирует чуть ли
не весь запас приемов, исполь-

ный штангист» — доставили
зрителям немало приятных ми-
нут.

Поражает своей отточен-
ностью и жонглерское масте-
рство актера. Сакволяж, зонт,
шарик готовы по его коман-
де двигаться по самым замыс-
ловатым траекториям; шарика-
ми он умудряется безошибоч-
но жонглировать и за спи-
ной! Но это не просто жонгли-
рование. Образ КИ-ЛЯ-ЛЯ —
сбивной, и поэтому актер и
«чисто жонглерские» сцены
заставляет работать на общую
мысль спектакля. Вот КИ-ЛЯ-
ЛЯ оперся на невидимую опо-
ру и грустно задумался о чем-
то своем... Но такова уж судь-